

Однако, как говаривал старик Ся, искусство гу не является чем-то застывшим и неизменным: оно развивалось на протяжении тысячелетий силами сотен поколений, пока не дошло до наших дней. Лишь тот, кто постиг саму суть создания гу и умеет мыслить гибко, достоин зваться мастером гу.

Старик Ся свято верил в это призвание и, обучая Ся Дунъи, неизменно уделял этому важнейшее внимание, не позволяя мальчику слепо цепляться за готовые рецепты. Он постоянно побуждал его размышлять самостоятельно и искать пути усовершенствования существующих методов создания гу.

Благодаря такому подходу Ся Дунъи постепенно понял, что залог успеха кроется в технике, в душевном настрое и мастерстве самого целителя, а вовсе не в незыблемости формул.

Именно поэтому Ся Дунъи рискнул поэкспериментировать, взяв за основу ядовитые создания планеты Эрфей в надежде проложить совершенно новый путь в искусстве гу.

Поначалу Ся Дунъи просто навещал стражам леса вроде Мэн Ляншаня и расспрашивал их о свойствах различных ядов, затаившихся в джунглях. Когда же они сблизились, он перешел к более дерзким просьбам, попросив добыть для него несколько ядовитых насекомых и трав. Мальчик был умен: он обратился лишь к двоим самым беззаботным и беспечным мужчинам, не привлекая лишнего внимания Мэн Ляншаня и прочих излишне заботливых местных жителей. В конце концов ему действительно сопутствовала удача — ему удалось раздобыть немало отличных материалов для экспериментов.

После того как Ся Дунъи вдоволь пообщался с матерью, Мэн Ляншань на следующий же день собрал нехитрый скарб и припасы и отправился в долину Юэдай. Он рассчитывал вернуться самое позднее на вторые сутки, но вопреки ожиданиям добрался до ложины лишь к полудню четвертого дня. И еще большим сюрпризом для семьи Ся стало то, что спутником Мэн Ляншаня оказался вовсе не Юй Хайчжан, а дедушка Ся Дунъи.

Старику Юю исполнилось пятьдесят девять лет, а госпоже Юй — пятьдесят пять. На вид они казались уже пожилыми, но условия на суровой планете Эрфей были таковы, что закаляли тела и дух людей с малых лет. Здесь шестидесятилетних никто не называл стариками: их жизненная сила не уступала расцвету сил зрелых мужей, и преодолеть вслед за Мэн Ляншанем две горные гряды для них не составляло никакого труда.

И тем не менее члены семьи Ся увидели перед собой двоих совершенно истощенных стариков с покрытыми пылью лицами, седыми висками и удрученным видом.

С тех пор как отец Ся бежал, а мать Ся погрязла в домашних хлопотах, у нее совершенно не оставалось времени навестить родительский дом, особенно учитывая ее слабое здоровье. И вот теперь она совершенно неожиданно увидела собственных родителей, превратившихся в таких дряхлых стариков, и сердце ее невольно сжалось от испуга. Даже Ся Фэйи и Ся Дунъи почувствовали неладное. Прошлым годом, еще перед самым отъездом, отец Ся возил их в долину Юэдай как раз с тем расчетом, что семья деда по материнской линии сможет хоть в

чем-то им помочь.

Ся Дунъи отлично помнил, что тогда оба старика пылали бодростью духа, а дедушка даже брал его с Ся Фэйи в горы расставлять силки на дичь.

По всему было видно, что тяжелой болезнью старики не страдавали, а их подавленное состояние объяснялось лишь одним: их души что-то тяготило и грызло изнутри!

Что же могло заставить их постареть разом на десяток-другой лет?

Ся Дунъи проследовал за Ся Фэйи, и они вдвоем, обхватив каждого из стариков за ноги, принялись ласково канючить, затягивая их в дом. Мать Ся тем временем у порога наперебой благодарила Мэн Ляншаня, а затем вполголоса осведомилась, стряслось ли что-нибудь в ее родном доме.

Мэн Ляншань не горел желанием распространяться, но отец Ся приходился ему названным братом, а мать Ся — старшей невесткой. Раз уж старшая невестка задала вопрос, ему оставалось лишь отвечать, и он с гневом выложил матери Ся все, что ему было известно.

Как выяснилось, старика Юй и его жену выставила из дома не кто иной, как жена их собственного драгоценного сына Юй Хайчжана. И надо же было такому случиться, что Мэн Ляншань стал свидетелем этой сцены!

Безутешные старики, убитые горем и тревогой за непутевого сына, услышали о том, что их дочурка, уехавшая далеко на чужбину, тяжело больна и нуждается в сопровождающем, чтобы съездить в крупный город на лечение. Посовещавшись немного, они скрепя сердце стерпели собственную горечь и отправились в путь вместе с Мэн Ляншанем.

Что же до Юй Хайчжана, то Мэн Ляншань передал ему слова матери Ся. Увы, новая молодая жена в семье Юй обладала крутым нравом: Юй Хайчжан уже было собрался согласиться, но стоило ей бросить на него укоризненный косой взгляд, как он тут же смутился и проглотил готовые сорваться с языка слова.

Мэн Ляншань был холостяком и совершенно не постигал извивов психологии мужей, боящихся собственных жен. Он счел Юй Хайчжана ничтожным и неблагодарным глупцом, говорить с которым больше не о чем, и, махнув рукой, просто увел стариков Юй в лощину.

Выслушав объяснения Мэн Ляншаня, мать Ся до конца во всем разобралась. На сердце у нее одновременно закипал гнев и наваливалось тяжелое недоумение. Мэн Ляншань, понимая, что в семье Ся сейчас разразится буря и ему здесь делать нечего, спешно распрощался с хозяйкой дома и заторопился обратно.

Обернувшись к домашним, мать Ся задала вопрос вовсе не о сыновней неблагодарности Юй

Хайчжана, а о том, когда же у нее появилась невестка и почему она не получила об этом ни весточки?

Люди слабого здоровья неизменно уязвимы к подобным вещам: сын семьи Юй женился, даже не уведомив об этом родную сестру, и это не могло не ранить ее сердце.

До замужества в семье Ся оставался лишь один единственный наследник, и у них почти не было близких родственников. Можно сказать, что жизнь матери Ся как в родительском, так и в мужа доме протекала легко и беззаботно, не омрачаемая никакими светскими условностями. А поскольку отец Ся славился как один из лучших охотников в деревне, соседи выказывали их семье немалое уважение. Именно поэтому характер матери Ся оставался прямым и бескомпромиссным — она никогда не ходила вокруг да около даже с такими людьми, как Ли Дэи, а всегда резала правду-матку в глаза.

Вот почему сейчас она без утайки высказала накопившуюся обиду и недоумение. В ее словах звучал упрек, но не злоба. Мать Ся была уверена: приложи она руку к этому делу, Юй Хайчжану вряд ли удалось бы притащить в дом столь мерзкую женщину.

Лучше бы мать Ся не задавала этого вопроса, потому что стоило ей заговорить, как старик Юй мгновенно рассвирепел. Он со злостью опустил ладонь на четырехногий деревянный стол, заставив массивную столешницу гулко затрещать:

— Да когда это в нашем роду Юй брали такую невестку?! Юй Хайчжан и Сюй Юймiao — всего лишь парочка любовников!

Эта дрянь Сюй Юймiao только и знала, что крутить хвостом направо и налево, а когда пустилась вразнос от не пойми от кого залетевшего брюха, тут же повесила всё на твоего брата!

И как угораздило меня, старого Юя, произвести на свет такого идиота?! Стоило Сюй Юймiao бросить на него взгляд, как он тут же расплылся в дурацкой улыбке и прилип к ней, да еще и... да еще...

Старик задыхался от гнева, но под конец голос его сорвался, он оперся руками о столешницу и тяжело задыхался — очевидно, ярость захлестнула его с головой. Прильнувший к нему Ся Дунъи поспешно огладил деда по груди и послушно пролепетал:

— Дедушка, не сердись так.

Рядом Ся Фэйи усердно утешала плачущую бабушку Юй, утиравшую слезы рукавом.

Почувствовав, как внук ласково поглаживает его по груди, старик Юй наконец немного остыл от удушливой злости. Он потрепал Ся Дунъи по голове, и на его исчерченном морщинами лице проступило вымученное подобие улыбки.

Заметив, что дедушка успокоился, Ся Дунъи тут же одарил его лучезарной улыбкой, в душе обаятельно презирая Юй Хайчжана.

Мужчин, добровольно взваливающих на себя чужих детей, хватало во все времена. Раз уж Юй Хайчжан согласился признать плод во чреве Сюй Юймiao, то здесь работал принцип: бьет — значит любит, один бьет, другой подставляется. Брак должен быть свободным, и даже у дедушки с бабушкой не было права препятствовать сыну в его поисках счастья.

Но забыть мать ради жены и позволить любовнице выгнать престарелых родителей на улицу — это уже переходило все границы морали! За такой поступок любой назвал бы его нелюдем и плюнул в лицо.

В прошлой жизни Ся Дунъи был брошен родителями, а в этой дорожил каждым из близких родственников и просто не мог постичь подобного поведения Юй Хайчжана. Что уж говорить о стариках Юй — даже мать Ся боготворила его, порой заботясь сильнее, чем о собственных сыне и дочери. Как он мог совершить столь скотский поступок?!

Ся Дунъи не понимал: неужели сила так называемой любви и впрямь настолько велика?

Да и можно ли вообще назвать любовью то, что было между Юй Хайчжаном и Сюй Юймiao? Ся Дунъи в прошлой жизни не заводил романов, а потому воздерживался от оценок.

Гневная тирада старика Юй прояснила для матери Ся всю картину происходящего. Невольно опустившись на скамью, она горько вздохнула. Помолчав немного, мать Ся подняла глаза на неожиданно постаревших родителей:

— Раз Сяохань ведет себя подобным образом, неужели дядя Сюй совсем не может повлиять на Сюй Юймiao?

— Повлиять? Да как тут повлиять?! Старик Сюй только и рад, что твой брат готов возиться со всем этим мусором! — стоило матери Ся заговорить, как она вновь угодила в самую болевую точку старика Юй. Раздался оглушительный грохот — старик так саданул кулаком по обеденному столу, что деревянные доски подскочили вверх.

Следом за этим сидевшая до того тихо и лишь молча утиравшая слезы бабушка Юй опустила рукав и злобно бросила:

— А чего еще ждать, если Сюй Юймiao с самого детства воспитывала эта старая карга Ли Сюни? Пока она стоит за ее спиной и наушничает, разве нам будет хоть какая-то жизнь в этом доме?!

По мере того как бабушка Юй продолжала говорить, ее все сильнее одолевало мрачное предчувствие, что будущее их семьи обречено и спокойных дней они больше не увидит.

Упомянутую бабушкой Юй Ли Сюни Ся Дунъи прекрасно знал. Она приходилась второй женой соседу старику Сюй, живущему по соседству с Юями, и издавна враждовала с их семьей. Ся Дунъи однажды посчастливилось стать свидетелем словесной перепалки между семействами Юй и Сюй, из которой он вынес, что Ли Сюни не была родной матерью Сюй Юймю, а являлась лишь мачехой. При этом она виртуозно владела искусством губительной лести, превратив миловидную и послушную девочку, оставшуюся от первой жены, в распутную, злобную и мелочную особу.

Не было в долине Юэдай ни одной женщины, чей муж или сын пали жертвой соблазнов Сюй Юймю, которая бы не проклинала Ли Сюни лютой смертью!

Мать Ся и бабушка Юй, будучи связаны глубокими узами матери и дочери и разделяя общие обиды, всегда откровенно презирали мать и дочь Сюй. Однако Юй Хайчжан составлял исключение: с детских лет он питал к Сюй Юймю нежные чувства и тайную страсть. Правда, любой сторонний наблюдатель видел, что Сюй Юймю и в грош не ставит замкнутого и простодушного Юй Хайчжана, а потому члены семьи Ся не придавали этому серьезного значения. В худшем случае бабушка Юй, доведенная Ли Сюни до белого каления, срывала злость на самом Юй Хайчжане, отчитывая его за глупость и требуя держаться от Сюй Юймю подальше. Однако никто и предположить не мог, что Сюй Юймю, о которой мечтал каждый мужчина из долины Юэдайгу, в конце концов выберет Юй Ханьчжана!

Разумеется, это было вовсе не из разряда историй о заблудшей женщине, внезапно одумавшейся и вставшей на путь истинный. С самого момента, как Сюй Юймю переступила порог дома Юй, она взяла Юй Ханьчжана в ежовые рукавицы: выгнала его родителей из дома и даже запретила ему ухаживать за больной сестрой. Всё это ясно показывало, что эта женщина вовсе не собиралась раскаиваться и менять своё поведение!

К тому же старая госпожа Юй впоследствии выплакалась Ся Фэй и поведала ей немало горьких подробностей. Она говорила, что Сюй Юймю вовсе не собиралась по-настоящему выходить замуж за Юй Ханьчжана и после рождения ребёнка непременно сбежит. Родные боялись, что Юй Ханьчжану не совладать с этой женщиной и она приберёт к рукам все их скромные сбережения, пустив семейство по миру.

Из-за того страшного бедствия, что постигло родительский дом матушки Ся, она теперь никак не могла спокойно отправиться на лечение в далёкий Ичэн. Не говоря уже о том, чтобы позволить убитым горем родителям сопровождать её, оставив при этом Юй Ханьчжана наедине с Сюй Юймю, чтобы та творила что пожелает.

Поэтому матушка Ся, всё хорошенько обдумав, решила отложить поездку к врачу. Переждав пару дней, пока родители отдохнут, она собиралась вернуться с ними в долину Юэдайгу, чтобы свести с Юй Ханьчжаном все счёты, а затем выгнать эту лисицу Сюй Юймю взащей!

Однако Ся Дунъи совершенно не верил в успех этого предприятия. Ему доводилось наблюдать за перебранками семейств Юй и Сюй, и он прекрасно понимал, что силы их были далеко не равны. Не говоря уже о боевой мощи старой карги Ли Сюници, одна только Сюй Юймю уже давным-давно вертела Юй Ханьчжаном как хотела — разве можно было прогнать её обычной

ссорой?

Что же касается мирных путей вроде приведения фактов и взывания к здравому смыслу, они и вовсе не годились: иначе между семьями Юй и Сюй не возникла бы столь глубокая и непримиримая вражда.

В таком случае матушка Ся неизбежно увязла бы в этом болоте по имени Юй Ханьчжан, попусту упустив драгоценное время и запустив болезнь. При одной мысли об этом Ся Дунъи ощущал глухое раздражение. В прошлой жизни он странствовал со стариком Ся, ведя уединённый образ жизни скрытого в толпе мудреца. Старик Ся ничем особо не отличался от прочих заклинателей гу: нравом обладал нелюдким и заводить знакомства не любил. А Ся Дунъи с малых лет был сиротой, не знавшим тепла родственников, и в вопросах бытовых дрызг и человеческих отношений не имел ни малейшего опыта борьбы. И хотя в этой жизни он жил самой обычной жизнью, к подобной мелкой суете его по-прежнему не тянуло.

Но это вовсе не означало, что у Ся Дунъи не было способов справиться с Юй Ханьчжаном и Сюй Юймiao — среди секретных техник гу племени мiao насчитывалось больше десятка способов заставить эту парочку мирно разойтись в разные стороны. Искусство гу делится в основном на два вида: угу и цингу, причем последнее пользуется даже большей славой, чем первое. Правда, обыватели сильно заблуждаются на его счёт: стоит зайти речи о цингу, как в воображении тут же всплывает легендарная прекрасная и страстная девушка из народа мiao, которая, влюбившись в чужеземца, напускает на него любовного червя, чтобы привязать к себе и заставить проникнуться столь глубокими чувствами, что он уже не сможет её покинуть. Однако, подобно тому как древние ученые мужи предавались сладким грезам о лисицах-оборотнях и небесных феях, это всего лишь плод буйной фантазии тех, кто распускает подобные слухи.

На самом деле цингу чаще всего применяют как раз мужчины из народа мiao. Самый простой пример — так называемое похлопывание невесты. Если парень из племени мiao приметит красавицу и дни напролет тоскует по ней, не имея возможности добиться её взаимности, он берет окрашенные пятицветные конопляные веревки и вплетает в пояс с узорами заклинания. Изготовив такой пояс, он оставляет его перед статуей божества покровительницы браков и молится днём и ночью, изливая богине всю свою страсть к возлюбленной.

После месяца подобных подношений пояс снимают и поджидают девушку у какого-нибудь поворота на дороге, где она обычно ходит. Когда девушка приближается, парень с беззаботным видом идет ей навстречу и, разминувшись, пока она не видит, со всего маху хлопает её ладонью по спине.

Если в этот момент девушка оглянется и их взгляды встретятся, она послушно пойдет за парнем и станет его женой. Но если девушка не оглянется или не посмотрит ему в глаза, значит, судьбы у них действительно нет. После этого парню запрещено впредь искать встреч с ней, иначе на него падет проклятие богини браков.

Поэтому приезжим девушкам, путешествующим по краям мiao, стоит быть предельно осторожными при виде парня с узорчатым поясом, идущего им навстречу: если вас хлопнули

по спине, ни в коем случае не оборачивайтесь!

То, что цингу соперничает с угу на равных, само собой разумеется, ведь оно не ограничивается лишь описанным выше способом. Эффекты бесчисленных видов цингу самые разные: одни заставляют людей слепо влюбляться друг в друга, другие, напротив, отталкивают их, вызывая взаимное отчуждение и неприязнь. В свое время старик Ся Ху по просьбе одной благодетельницы изготовил особый парный червь матери и сына под названием кровная связь.

Суть этого парного червя заключалась в том, что материнского паразита подсаживали в чрево беременной женщины, где он питался кровью плода и производил на свет дочернего червя. Покинув тело матери, дочерний червь отправлялся на поиски отца ребенка и поселялся в его теле. Стоило отцу ребенка заразиться таким гу, как в нем бурно и неудержимо вскипали отцовские чувства, переходящие в пылкую любовь к женщине, вынашивающей его потомство, так что он буквально не отходил от неё ни на шаг.

По словам старика Ся Ху, в девяностые годы двадцатого века этот гу пользовался бешеным спросом среди любовниц-содержанок, сослужив им немало великих службу в успешном захвате чужих домов и вытеснении законных жен. Однако с наступлением двадцать первого века, по мере изменения запросов этих женщин, данный вид гу постепенно утратил свою популярность на рынке. Старый Ху Ся когда-то накладывал такой гу на имя лишь одной женщины, спасшей ему жизнь, но до конца дней горько раскаивался в содеянном. Он думал, что изначально руководствовался благими намерениями — хотел вернуть сердце мужа благородной спасительнице в знак благодарности, а на деле лишь погубил её. Однако всё было кончено, и возвращать назад не имелось смысла; оставалось лишь корить себя за тогдашнюю опрометчивость.

Эту историю Старый Ху Ся поведал Ся Дунъи одновременно с обучением тому, как создавать гу Узы плоти и крови. Наказание заключалось в том, что заклинателю гу, прежде чем применять своё искусство, следует всё тщательно обдумывать и ни в коем случае не полагаться на слепой порыв — одна ошибка способна обречь на вечные терзания.

Однако Ся Дунъи совершенно ничего не смыслил в сердечных делах и по сей день не понимал, о чём именно сокрушался Старый Ху Ся. Ему казалось, что помочь беременной женщине вернуть привязанность супруга — благое дело, а терзания Старого Ху Ся были лишь плодом превратных толкований.

По логике вещей, в ситуации с Юй Ханьчжаном и Сюй Юймёю использование гу Узы плоти и крови, чтобы выманить настоящего отца ребёнка, являлось лучшим способом прогнать Сюй Юймёю. Но беременная женщина и нерождённый плод — существа, коих воспитатели гу избегают пуще всего.

Особенно не появившийся на свет ребёнок: он чист от рождения и не имеет ни малейшей кармической связи с внешним миром. Вклинься Ся Дунъи в это дело — это приравнивалось бы к насильственному изменению чужой судьбы. Ладно бы жизнь младенца сложилась счастливо, но если из-за чужого вмешательства его постигнут бедствия и тернистый путь, а в сердце затаится обида — все эти тяготы в конце концов обрушатся на самого Ся Дунъи, обратившись

против него тяжким грехом.

Судя по склочному нраву Сюй Юймю, истинный отец ребёнка наверняка был каким-нибудь ничтожным отбросом, прозябающим в нищете; иначе, даже будь тот женат, она бы не отступилась и не стала так нагло цепляться за Юй Ханьчжана, словно за сухое полено. Если бы Ся Дунъи отыскал отца ребёнка и заставил Сюй Юймю уйти к нему, разве это не обрекло бы несчастного малыша на страдания до конца дней?

Подобное деяние наносило ущерб накопленной благодати. Ся Дунъи не принадлежал к числу беспечных мастеров гу, что заботятся лишь о сиюминутной выгоде, не глядя в будущее, и, разумеется, не мог пойти на такой шаг.

От этих размышлений его одолела страшная головная боль!

Ся Дунъи стоял на кухне, машинально скатывая шарики из чернушки и лихорадочно размышляя на все лады. В голове роилось с десятков, а то и два десятка способов разлучить эту парочку непутёвых голупков — Юй Ханьчжана и Сюй Юймю, но каждый раз, вспоминая о нерождённом ребёнке, он отметал все планы один за другим!

Из-за этой суматохи Ся Дунъи постепенно начал раздражаться, и в голове воцарился полный кавардак. В разгар душевного смятения до его носа донёлся лёгкий освежающий аромат мяты. Ся Дунъи мгновенно пришёл в себя.

Этот запах обладал удивительным свойством прояснять мысли и бодрить разум. Ся Дунъи прежде никогда не вдыхал ничего подобного и необычайно заинтересовался. Инстинктивно последовав за источником аромата, он увидел Маленький Фиолетовый Цветок: перевернувшись на спину, пузатое создание лежало прямо на разделочной доске, широко разинув пасть и шумно отрывая.

Мятный аромат исходил именно от этого заморыша.

Эта животинка последовала за Ся Фэйи в дом Ся, и поначалу жизнь её была сурова. Поскольку Матушка Ся не умела готовить черные колобки из трав, первое время, пока брат с сестрой лежали в постелях после тяжелых ранений, бедняжке приходилось добывать пропитание самостоятельно. Она даже притворялась хрупким, нежным цветочком и забивалась в угол спальни брата с сестрой, чтобы разжалостить их.

Позднее Ся Фэйи первой пошла на поправку, но кулинарка из неё была никудышная: приготовленные ею колобки пришлись не по вкусу Маленькому Фиолетовому Цветку. Погрызя их с кислым видом, кроха срыгнула всё до последнего кусочка. Заметив столь капризный нрав, Ся Фэйи махнула рукой и перестала утруждать себя заботой о пропитании питомца.

Лишь когда Ся Дунъи поднялся с постели, у Маленького Фиолетового Цветка началась та беззаботная жизнь, которой положено жить домашнему питомцу. Укреплённая угощениями

дружба с годами крепла, и со временем Маленький Фиолетовый Цветок привязался к Ся Дунъи сильнее прежнего. Стоило этому созданию проголодаться, как оно вылезало из-под земли, терлось о пятку парня и норовило запрыгнуть к нему на ручки, выпрашивая еду.

Ся Дунъи тоже привык: едва Маленький Фиолетовый Цветок появлялся на горизонте, он тут же брался за стряпню, чтобы накормить проглота. Вот и сейчас, размышляя в кухне о делах семейства Юй, он автоматически готовил корм для питомца.

Только вот из-за раздвоенности мыслей он незаметно зашёл в тупик, из которого едва не выбрался с трудом. К счастью, Маленький Фиолетовый Цветок облегчился, мгновенно наполнив всю комнату мятной свежестью, что заодно и прочистило мозги Ся Дунъи.

Отыскав источник аромата, Ся Дунъи поспешно взял мохнатое тельце Маленького Фиолетового Цветка за бока и отодвинул в сторону. На разделочной доске расплылась лужица мягкого золотистого вещества. Это золото источало густой аромат и обладало свойством прояснять сознание. Будучи мастером гу, Ся Дунъи прекрасно знал, что выделения некоторых личинок гу обладают уникальными свойствами — будь то яд или лекарство, — а по ценности они порой не уступают настоящему золоту.

Не брезгуя природой этого вещества, он тут же отыскал маленький пузырёк и собрал всю золотистую лужицу до последней капли.

Затем он взглянул на Маленький Фиолетовый Цветок, который, наевшись, напившись и справив нужду, уже удрал в угол и прикинулся обычным цветком, и невольно улыбнулся.

<http://bllate.org/book/21213/2146827>